

Е. А. Кленина, А. Е. Песков

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ КУЛЬТУРЫ

Проводится мысль о том, что совокупность индивидуальных представлений о мире включает в себя такой неотъемлемый компонент, как представление о смерти, отношение к смерти. Показано, что особенности отношения к смерти выступают одним из факторов культурной идентичности, поскольку способом видения и отношением к смерти выявляются определенные закономерности и тенденции формирования жизненных установок и моделей поведения человека и общества в рамках одной культуры. Этот факт свидетельствует о формировании своеобразия культур и, соответственно, исключает саму возможность их унификации. Присутствие смерти в жизненном пространстве оставляет выбор: либо принять смерть как фактор естественный и необходимый (конструктивное отношение), либо игнорировать ее, изгоняя из повседневности (деструктивное отношение). В истории мировой и отечественной культуры существовали периоды, когда отношения жизни и смерти были максимально гармонизированы: древнейшая восточная культура, культурная традиция Руси, христианская культура, культура раннего западноевропейского средневековья (модель «прирученной смерти»). В подобных культурах дискретное понимание жизни и смерти сменяется континуальным, и поэтому в них актуальна идея гармонического взаимодействия жизни и смерти. В российской культурной традиции тема смерти и отношения к ней – предмет особого осмысления. Событие смерти рассматривается как нечто уникальное и ценное для духовного опыта человека. Вместе с тем это традиционно болезненная, даже трагическая тема. Отсюда – многочисленные проекты преодоления смерти, ставящие ценностный акцент не на смерти, а на бессмертии, отсюда и смерть человека – абсолютная, невозможная потеря, непреодолимое событие. В современной культуре «избыточная» субъективность и эгоцентризм человека обуславливают наиболее болезненное восприятие и переживание смерти. Выдвижение субъективного начала привело к трансформации значения смерти: событие смерти отрицается как объект ценностного отношения. В настоящее время общество эксплицитно обнаруживает стремление трансформировать значение смерти, представляя ее не как экзистенциальную необходимость, но как случайность, рок. Таким образом, представления о смерти и отношение к ней являются неотъемлемым компонентом мировоззренческой структуры вследствие факта осознания человеком своей смертности. В связи с этим отношение к смерти рассматривается нами как один из факторов культурной идентичности, позволяющий выявить приоритетные жизненные установки и модели поведения, характерные для каждой культуры, что позволяет, в свою очередь, говорить о своеобразии каждого типа культуры.

Ключевые слова: отношение к смерти, типы культур, периоды в развитии культуры, взаимодействие жизни и смерти, установки и модели поведения, конструктивное и деструктивное отношение к смерти, своеобразие культур.

Введение

Человек, несмотря на ту или иную степень свободы мышления и действия, рефлексивно обнаруживает себя в ситуации ограниченности жизненных возможностей. Осознание смерти выступает как закон, как императив человеческого существования, обозначая границы предельных действий и желаний.

Заметим, что смерть касается всего, что развивается во времени. О. Шпенглер говорил, что новая идея смерти рождает новую культуру. Это высказывание, на наш взгляд, подтверждает мысль о том, что отношение к смерти выступает одним из факторов культурной идентичности, где само событие смерти и его восприятие – символический код, требующий расшифровки. Именно данное обстоятельство исключает саму возможность унификации культур.

Понятие смертности и понятие культуры оказываются сопряженными: будучи реальным источником культуры, смертность – судьба и культуры. Смерть как финал, как итог существования придает культурному образованию структурную завершенность. Именно поэтому проблема отношения к смерти актуальна не только для одной или нескольких культурных традиций, но и для культуры в целом. Способом видения и отношением к этой проблеме выявляются специфические особенности культуры.

Конструктивное и деструктивное отношение к смерти как фактор культурной идентичности

Человек – творец культуры, и, безусловно, у каждого человека есть свой взгляд на мир, где мир – это предельная полнота бытия в его единичности, самоидентичности; это единство возможности и действительности, сущности и явления. Совокупность индивидуальных представлений о мире включает в себя такой неотъемлемый компонент, как представление о смерти, отношение к смерти, т. к. каждый человек, собирая своей биографией жизнесмертный континуум, творит уникальную композицию проявлений жизни и смерти. Благодаря этому отношение к смерти выступает одним из самых устойчивых факторов в истории человеческого общества и культуры, изучение которого позволяет выявить определенные закономерности и тенденции в формировании жизненных установок и моделей поведения, а также может служить важнейшим показателем духовности социума.

Жизнь и смерть, сопрягаясь в событии, рассредоточены по всему пространству и времени человеческого бытия. Встреча жизни и смерти на любом отрезке существования человека в виде кризисов, смены идей, личных переживаний, трагедий и побед образует гармоническое взаимодействие жизни и смерти. Такое взаимодействие образует универсальный код культуры, согласно которому формируется своеобразие данного типа культуры.

Присутствие смерти в жизненном пространстве оставляет выбор: либо принять смерть как фактор естественный и необходимый (конструктивное отношение), либо игнорировать ее, изгоняя из повседневности (деструктивное отношение).

В истории мировой и отечественной культуры существовали периоды, когда отношения жизни и смерти были максимально гармонизированы. Древнейшая восточная культура – яркий тому пример. Человек здесь не умирает в абсолютном смысле, поскольку смерти как абсолютного разрыва с жизнью, собственно, и нет. Жизнь и смерть сосуществуют как два равноценных и равносильных модуса бытия, хотя и разделенные жесткой границей, преодоление которой требует определенной подготовки и коллективного ритуального участия [1, с. 63–64]. Поэтому действует принцип, высказанный Конфуцием: «Воздай мертвому все, как если бы он был жив».

Несколько иной аспект наблюдается в христианской культуре. Смерть здесь, с одной стороны, зло, неотделимое от сущности человека: признавая смерть, с ней нельзя примириться как с проявлением греховного начала в человеке; с другой стороны, физическая смерть не совпадает с концом жизни: между ними существует промежуток, могущий растягиваться до вечности. Так или иначе, христианская культура фиксирует близость и даже совмещаемость символических пространств жизни и смерти.

Культурная традиция, известная на Руси, также демонстрирует подготовку к смерти еще при жизни: изготавливали гробы для всей семьи и хранили их в хатах, выбирали место для могилы на кладбище. Повсеместно в русских деревнях была распространена следующая практика: умирающий заранее чувствовал свой срок (кстати, слово «смерть» в исконном своем значении со старославянского языка так и переводится – своя мера, свой срок) и ложился в гроб, а отпевание начиналось тогда, когда «отходящий» находился еще в полном сознании.

Для культуры раннего западноевропейского средневековья характерна модель «прирученной смерти». В этот период смерть, как и жизнь, выступает общественно значимым актом. Смерть одного – испытание для всей общины, демонстрирующей свою сплоченность в похоронных ритуалах. Последнее тем более необходимо, т. к. это своего рода выражение солидарности индивида с общиной. Человек, благодаря общине, не только заранее готовился к принятию неизбежного, но и жил с мыслями о смерти («*memento mori*»), которые подпитывались верой в бессмертие души [2, с. 38–58].

В связи с этим была распространена фобия внезапной смерти, к которой ни индивид, ни община не успели подготовиться (сегодня же смерть внезапная, неосознанная – лучший вариант ухода из жизни). В представлении средневекового человека «нормальная» смерть всегда «предупреждает» о своем приходе, тем самым оставляя время осознать ее приближение и выполнить ряд ритуальных приготовлений (прощание с близкими, просьба о прощении, последние распоряжения и пожелания, последняя молитва и т. д.).

В средневековой христианской культуре («прирученная смерть») дети были также неотъемлемой частью общины и посвящались в таинство смерти, присутствуя у постели умирающего

и непосредственно участвуя в похоронных процессиях. Это помогало им принять смерть как часть жизни. Кроме того, в средневековой культуре мир живых и мир мертвых не были жестко разграничены: могилы располагались вблизи домов, около церквей, и, соответственно, возникала потребность в наблюдении и уходе за могилами умерших предков. Именно поэтому в этот период столь актуальна идея гармонического взаимодействия жизни и смерти.

В подобных культурах дискретное понимание жизни и смерти вполне естественно сменяется континуальным, поскольку «готовиться к смерти совсем не значит умирать, ослаблять и уничтожать свою жизнь, наоборот, это значит повышать свою жизнь, внедрять ее в вечность» [3, с. 12]. Поэтому подготовка к смерти рассматривалась как «особое состояние духа», как «состояние избыточной свободы», ибо, по словам М. Монтеня, «кто научился умирать, тот научился быть рабом».

В отечественной культурной традиции тема смерти и отношения к ней – предмет особого осмысления. Событие смерти рассматривается как нечто уникальное и ценное для духовного опыта человека. Вместе с тем это традиционно болезненная, даже трагическая тема. Отсюда – многочисленные проекты преодоления смерти, ставящие ценностный акцент не на смерти, а на бессмертии: христианская концепция воскрешения, «Всеединство вечного Воскресения» (В. С. Соловьев), «грядущее царство бессеменных святых» (В. В. Розанов), философия «общего дела» (Н. Ф. Федоров), идея реинкарнации в «русском космизме» [4, с. 115–119]. Отсюда и смерть человека – абсолютная, невозполнимая потеря, непреодолимое событие.

Если еще в XIX в. большинство разделяло убеждение в греховности тела и непреложности жизни после смерти – воскрешении умершего и, следовательно, спокойно воспринимало мысль о разложении мертвого тела в свете бессмертия души, то в XX–XXI вв. убеждение в будущей посмертной жизни стало непопулярным. Смерть становится мощнейшим травмирующим фактором, в ней видят не моральный грех, а физическое и психическое зло.

«Избыточная» субъективность и эгоцентризм современного человека обуславливают наиболее болезненное восприятие и переживание смерти. Выдвижение субъективного начала привело к трансформации значения смерти: событие смерти отрицается как объект ценностного отношения. В настоящее время общество эксплицитно обнаруживает стремление трансформировать значение смерти, представляя ее не как экзистенциальную необходимость, но как случайность, рок. Позиция «Живи пока живется» легко перерастает в обостренное внимание к проблеме смерти в аспекте ее преодоления, изгнания из повседневной жизни.

Очень часто отношение современного человека к жизни и смерти мыслится в категориях игры: «Он уходит – он в проигрыше, я остаюсь – значит, я выигрываю». «Смерть преломляет жизнь, – пишет А. Голов, – и представляемое значение смерти внушает понятие о жизни. Что же внушается смертному? Что выбыть – значит потерять самому и дать другим» [5, с. 120–121].

Подобная ментальная формула отношения к смерти выявляет, на наш взгляд, суть деструктивного отношения к этому событию. Исключение – лишь родные и близкие, смерть которых – безусловная потеря. Следовательно, можно говорить, что современный человек – человек с ярко выраженным предпочтением жизни, т. к. помыслить свою смерть для него означает помыслить нелепость, случайность. Такое отношение к смерти становится вполне объяснимым, если проследить историко-культурную динамику отношения к смерти [6, с. 108–110].

Заключение

Таким образом, мы можем констатировать, что представления о смерти и отношение к ней являются неотъемлемым компонентом мировоззренческой структуры вследствие факта осознания человеком своей смертности. В связи с этим отношение к смерти рассматривается нами как один из типологических факторов культурной идентичности, позволяющий выявить приоритетные жизненные установки и модели поведения, характерные для каждой культуры, что позволяет, в свою очередь, говорить о своеобразии каждого типа культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седов Л. Пестрая душа (опыт типологии культур по отношению к смерти) / Л. Седов // Родина. 1992. № 1. С. 62–68.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес; общ. ред. С. В. Оболенской; послесловие А. Я. Гуревича. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Прогресс – Академия», 1992. 527 с.
3. Бердяев Н. А. О самоубийстве. Психологический этюд / Н. А. Бердяев. М.: Изд-во МГУ, 1992. 24 с.

4. Кленина Е. А. Иммутологические идеи в русской философии / Е. А. Кленина, А. Е. Песков // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. 2013. № 2 (56). С. 115–119.
5. Голов А. А. Понимание факта смерти в условиях человеческого контакта / А. А. Голов // Методологические проблемы исследования культуры. Культура и критика психоанализа. М.: Ин-т филос. АН СССР, 1987. С. 111–145.
6. Кленина Е. А. Отношение к смерти в историко-культурной динамике / Е. А. Кленина, А. Е. Песков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41), ч. II. С. 108–110.

Статья поступила в редакцию 15.04.2015

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кленина Елена Анатольевна – Россия, 400005, Волгоград; Волгоградский государственный технический университет; канд. филос. наук, доцент; доцент кафедры «Философия»; klenina.el@yandex.ru.

Песков Аркадий Евгеньевич – Россия, 400074, Волгоград; Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет; канд. полит. наук, доцент; доцент кафедры «Экономическая теория, история и право»; peskov.arck@yandex.ru.

E. A. Klenina, A. E. Peskov

ATTITUDE TO DEATH AS A CONDITION OF FORMATION OF DIFFERENT CULTURAL TYPES

Abstract. The article presents the idea that the totality of the individual views of the world includes such an integral component of the representation of death, attitude toward death. It is shown that attitudes towards death is one of the factors of cultural identity as a way of vision and attitude towards death revealed certain patterns and trends, formation of attitudes and behaviors of man and society within the same culture. This fact indicates the formation of identity and culture, respectively, excludes the possibility of their unification. The presence of death in the living space leaves the choice: either accept death as a natural and necessary factor (constructive attitude), or ignore it, driving from everyday life (destructive attitude). In the history of world and domestic culture there was a period when relations between life and death have been harmonized as much as possible: the ancient oriental culture, the cultural tradition of Russia, Christian culture, the culture of early medieval Western European (model «tame death»). In such cultures discrete understanding of life and death is replaced by a path, so the idea of harmonic interaction between life and death here is relevant. In domestic cultural tradition theme of death and attitude towards it – the subject of a specific reflection. The very death is regarded as something unique and valuable to human spiritual experience. However, it is traditionally painful, even tragic theme. Hence – the numerous projects to overcome death, putting the emphasis not on the value-death, and immortality, hence the death of a person – absolute, irreparable loss, overwhelming event. In today's culture an «excess» of human subjectivity and selfishness determine the most painful perception and experience of death. Nomination of the subjective beginning led to the transformation of the meaning of death: the event of death is denied as an object of value attitude. Currently the society explicitly evinces transform the meaning of death, presenting it not as an existential necessity, but as an accident, rock. Thus, the idea of death and attitude towards it is an integral component of the ideological structure due to the fact of man's awareness of his own mortality. In this connection, attitude toward death is seen by us as one of the factors of cultural identity, which allows to identify prior attitudes and behaviors specific to each culture that allows, in turn, talk about the uniqueness of each type of the culture.

Key words: attitude to death, cultural types, periods in the cultural development, interaction of life and death, attitudes and behaviors, constructive and destructive relations to the death, uniqueness of cultures.

REFERENCES

1. Sedov L. Pestraia dusha (opyt tipologii kul'tur po otnosheniiu k smerti) [Various soul (experience of cultural typology in relation to death)]. *Rodina*, 1992, no. 1, pp. 62–68.
2. Ar'es F. *Chelovek pered litsom smerti* [A human faces death]. Obshchaia redaktsiia S. V. Obolenskoii; posleslovie A. Ia. Gurevicha. Moscow, Izd. gruppya «Progress» – «Progress – Akademiia», 1992. 527 p.
3. Berdiaev N. A. *O samoubiistve. Psikhologicheskii etiud* [On suicide. Psychological study]. Moscow, Izd-vo MGU, 1992. 24 p.
4. Klenina E. A., Peskov A. E. Immortologicheskie idei v russkoi filosofii [Immortal ideas in Russian philosophy]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2013, no. 2 (56), pp. 115–119.
5. Golov A. A. Ponimanie fakta smerti v usloviakh chelovecheskogo kontakta [Understanding death in conditions of human contact]. *Metodologicheskie problemy issledovaniia kul'tury. Kul'tura i kritika psikhologii*. Moscow, Institut filosofii AN SSSR, 1987. P. 111–145.
6. Klenina E. A., Peskov A. E. Otnoshenie k smerti v istoriko-kul'turnoi dinamike [Attitude to death in historical and cultural dynamics]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., 2014, no. 3 (41), part II, pp. 108–110.

The article submitted to the editors 15.04.2015

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Klenina Elena Anatolievna – Russia, 400005, Volgograd; Volgograd State Technical University; Candidate of Philosophy, Assistant Professor; Assistant Professor of the Department "Philosophy"; klenina.el@yandex.ru.

Peskov Arkadiy Evgenievich – Russia, 400074, Volgograd; Volgograd State Architecture and Engineering University; Candidate of Political Sciences, Assistant Professor; Assistant Professor of the Department "Economic Theory, History and Law"; peskov.arck@yandex.ru.

